

Камертон Совести

Имя это человека теперь носит улица старой Одессы. Борис Давидович родился недалеко от этого места – в доме № 100 по улице Новосельского, в прошлом – Мещанской. Но дом, который навсегда отныне будет носить его имя, есть и на улице Пушкинской. «Дом с Ангелом» называют его одесситы. Родителям его маленьких пациентов с нарушением развития и двигательной активности там вручают книгу, которая называется «Под крылом Ангела». Говорят, там творят чудеса. Имя этого человека, Героя Украины, Почетного гражданина города и области – Борис Литвак (1930-2014). К 90-летию со дня рождения в выставочном зале Центра реабилитации открылась выставка, посвященная памяти Бориса Литвака. Мы собрали воспоминания людей, хорошо знавших Бориса Давидовича, кому повезло с ним дружить и работать.

Ему нужен был каждый

Мне фантастически повезло – я была знакома с этим феноменальным человеком. Я не стану писать о «Доме с ангелом» – я написала об этом целую книгу, она пять раз переиздавалась, спасибо Боречке.

Я просто имею право написать об этом человеке. Не стану повторять много повторенное – «совесть Одессы», «честь Одессы» и прочая, и прочая. Лучше напишу про шутку. Игорь Кнеллер однажды заметил: «Боря считает, что ни одно доброе дело не должно быть озвучено. Но горе тому, кто о нём умолчит». Шутка появилась задолго до смерти Литвака.

Шутки шутками, а Борис Давидович их любил и ценил, но не забыть мне одной сцену.

Кабинет директора ДЮСШ – спортивной детско-юношеской школы и, в то же время, председателя фонда «Будущее». Боречкин кабинет. Стол начальника, который отделяет от поперечного зажималка в виде статуи Свободы, пепельницы всех видов и сортов, графинчик с маленькой заморенной в нем коброй.

Я никак не за «поперечным» столом. За ним – начальники подразделений, подчиняющихся Литваку. Строители и хозяйственники. Я сижу неподдалёку. Пришла немного раньше времени. Пошла на совещание. Темы совещания не помню, но она была важной. Речь шла о строительстве корпуса гостиницы при Центре, где должны были размещаться подопечные Дома с Ангелом и их родители. Возник какой-то тушкловый момент. Борис Давидович сидит в кресле, закрыв глаза. Будто спит. Как и не на совещании. Ну, заснул старый человек. Понятно. Он старше всех в этой комнате. Начальники подразделений говорят о проблеме. Едва не плачут. Гибель, гибель! Стройка завязла! Препятствие неодолимо!

Тут старый человек, который дремал, открывает глаза. Всех услышал, все понял – принял решение и выстроил схему его реализации. Отвечает каждому. Каждому! Так, так и так. Все раскладывает по полочкам. И неразрешимая проблема оказывается вполне разрешимой. Бюрократические препоны Боря щелкал не хуже Щелкунчика. Иногда мне казалось, что они ему даже нравились. Как игра в шахматы. Ах, вы такой ход сделали? Тогда мы переместим эту фигуру на иную клетку. Возможно, преграды были ему необходимы. Он обожал их преодолевать. Собственно, наше знакомство с этого началось.

– Книгу напишешь о Центре? Да, конечно. Попробую, постараюсь.

Признаюсь, мне было безумно страшно. У меня только некоторый литературный опыт, колумнистский. А мне предлагали журналистику в чистом виде. Что меня заставило взяться за эту работу? Стыд, как ни странно. Мысль: «От таких предложений не отказываются». Судьба посылает тебе вызов, дает тебе

шанс. И ты что, скрючишься, скореежишься в уголке со словами «я не такая, я жду трамвая»? Книга о Доме с ангелом мне трудно далась. С неё начались мои мучительные бессонницы. Но я не об этом. Я о Боречке.

Наш первый диалог, по делу, закончился мыслью: «Ах, ты хочешь меня обаять? Завлечь в свои сети? Да я вижу все твои приемчики. Не удастся». Удалось, ещё как удалось! Забавно, но когда я приводила к Борису Давидовичу журналистку, каждая, подчеркиваю – каждая! – выходила со словами: «Я влюбилась в этого человека!».

Шарма, очарования в нем было – на сотни людей. Но, главное – шарм этот был ради созидания. Боря, Боречка, Борис Давидович Литвак принадлежал к той редчайшей породе людей, которые превращают Хаос в Космос. Оглядываясь окрест, не вижу подобных.

«Кто любит Джейн, кто любит джин...». Боря был призван созидать, творить. Он был не просто «креативщиком», не любил это слово, но человеком структурирующим. Не раз, и не мной только было писано: «На днях рождения у Литвака уборщица могла сидеть рядом с министром». Ему, Литваку, было понятно, что необходимы все. Министр и уборщица, депутат и домохозяйка, олигарх и раздатчица в буфете. Каждому человеку Боречка давал сигнал: «Ты мне нужен». Как он это делал – уму непостижимо, но в силу этого волшебного качества ему всегда удавалось создавать команду, в которой все, если и не были в него влюблены, то всегда отдавали ему должное.

Ссориться, Боря, кстати, тоже умел. Но, умел и мириться. Все четырнадцать лет, что мы были знакомы, для него существовал самый важный критерий – отношение к Дому с Ангелом, отношению к Одесскому детскому реабилитационному центру. Это было смыслом, содержанием его жизни: сам Центр, вычислительный центр, и, напоследок, гостиница, задуманная и реализованная, как некий рай для детей, которые и ходят с трудом, и никогда в подобных условиях не жили.

Теперь, когда Боречки нет, эти здания – структура Центра, стоят живыми, наполненным смыслом памятником ему. Стараюсь водить туда экскурсии. Как правило, туристов из Германии. Ахают, охают, восторгаются. Но если раньше предлагали хоть чуток спонсировать уникальное и бесплатное учреждение, то последние годы – совсем нет. Это он умел превращать Хаос в Космос. Это он умел обаять каждого. Редчайший дар, которого мне не дано. Но счастье знать, что мне дано было другое – попасть в команду Боречки. Чувство восторженности дорогого стоит. Незабываемо.

Елена КАРАКИНА,
ученый секретарь
Литературного музея

Пример служения

Давидович в каждое мгновение был готов к переменам. И быстрое решение выглядело через год крутым взлетом; задуманное вчера завтра уже было реализовано. Боречка постоянно держал ритм. Как спортсмен, он знал толк в ежедневных тренировках.

Свой основной, вселенской значимости, жизненный этап Борис Давидович начал в то время, когда уже предполагался период отдыха и выхода на пенсию. Руководство спортивной школой олимпийского резерва было бы уже достаточной и почетной нагрузкой. Но не для него. Ему нравилось мечтать и предвидеть, как это будет в реальности, и корректировать все составляющие одновременно. Он держал в голове все существенное, отсеивая лишнее и находя суть. В этом я вижу его основное качество – вычленять из шума мысль и доносить ее миру. Немногословность, но многомысленность.

И еще, у Бориса Давидовича была радость от сделанного, искренняя, детская! Наверное, для этого он и жил – чтобы радоваться и радовать других. Может быть, радость была нужна для того, чтобы за-

Первопроходец

Я работаю в Центре с первого дня его работы. Долгое время была детским неврологом. Мне посчастливилось столько лет знать Бориса Давидовича. Он был совершенно уникальным человеком. Вот сейчас стало модно учиться духовному развитию, получать знания психологии, коммуникации. Так вот, зная Бориса Давидовича, я поняла, что психологом нужно родиться. В нем эти качества были заложены от рождения. Он мог найти подход к любому человеку. Его обожали дети и животные, те, кто интуитивно чувствуют хорошего человека. Когда он делал обход по Центру, дети бежали к нему, смотрели на него с обожанием. А как он показывал всем свое детище, как гордился Центром! Он мог так эмоционально, с горящими глазами объяснить, почему нам необходим тот или иной прибор, аппарат, что убеждал даже самых безразличных скептиков. У него всегда было хорошее настроение, несмотря на самоочувствие. У него были друзья по всему миру. Совещания, которые он проводил, вызвали эмоциональный подъем у сотрудников. Казалось бы, обстановка в центре не самая радужная – больные дети, несчастные мамы, а он умел разряжать атмосферу, устраивал нам праздники. С ним было легко и радостно. Он был неравнодушным человеком, знал детали жизни санитарки, дворника, охранника, проникался их проблемами и старался их решить, делал все для людей, кто нуждался в помощи. Он виртуозно решал вопросы, ничего не забывал и никуда не записывал, потому что, не откладывая, решал их сразу. Вокруг него жизнь кипела и бурлила. Он, как по щелчку пальцев, соединял людей, шутя решал непосильные задачи. Ему стоило захотеть, и все начинало крутиться и складываться. Борис Давидович радовался, как ребенок, всякой помощи во благо Центра одинаково: бизнесмену, который нам

подарил компьютерный центр, и бабушке, которая принесла банку меда и пачку печенья. Он помнил все имена и фамилии благотворителей. Чтобы приступить к строительству этого Центра, он отселил 36 семей, живших в коммунах полуразрушенного дома, стоявшего на этом месте. Он помогал им с переездом, и все они впоследствии стали друзьями Бориса Давидовича. Уже тяжело больной, лежа на кровати, он «строил» пансионат. Делал все, не глядя.

Меня спрашивают, как вы живете без Бориса Давидовича. А мы и не живем без него. В каждом кабинете Центра висит портрет Б.Литвака. В этом кабинете проводим совещания руководителей всех служб. И он тут с нами, смотрит на нас с портрета, то осуждающе, то одобрительно. Когда бывают тяжелые дни, сложные ситуации, я с ним советуясь, поверите? Представляю, как бы он поступил в той или иной ситуации. И решения приходят сами собой.

Даже в самом трудном положении он мог разрядить обстановку шуткой. Уже умирая, он, лежа в палате, смотрел по телевизору новости, переключал каналы. В то время Крым был уже аннексирован, начинались военные действия на Донбассе. И он, умирающий, слушая новости и показывая на экран, сказал нам: «Вы мне еще позавидуете».

Сохранить идею в чистоте – было главным для Литвака и остается главным для его преемников. После его ухода многое изменилось, вся жизнь изменилась. Сейчас есть уже много центров реабилитации, и частных, и государственных. В каждом районе города открылись Инклюзивно-ресурсные центры, есть специализированные детские сады для детей с нарушением развития. Но Борис Литвак был и остается первопроходцем.

Вероника МИХАЙЛЕНКО,
главрач Центра реабилитации
им. Б.Литвака

ми он являл самую яркую мужскую характеристику – отдавать, защищать, помогать, забывая о себе. В последние дни его жизни мне запомнилось, как уже тяжело больной, очень слабый Борис Давидович держал телефонные трубки с двух сторон, связывая и помогая найти решение для кого-то третьего, ставя помощь и дело превыше всего.

Уже после ухода из жизни Бориса Давидовича, в Одесском Художественном музее проходила выставка фотографа из ЮАР, и в экспозиции была инсталляция тюремной комнаты Нельсона Манделы. По размеру и форме она выглядела в точности, как комната №8, в которой Боречка поселился с началом строительства Центра – восемь квадратных метров, где можно разместить только стол и кровать. Этим великих людей объединяло многое. Нельсон Мандела стал символом своей страны. Борис Литвак стал такой же личностью для Украины. Пример его жизни задал высокие стандарты гражданской жизни. Этот человек поднимал человеческий престиж нашего государства в мире. Хотя об этом никогда не думал.

Светлана ГРИГОРЬЕВА,
психолог, руководитель отделения
арт-терапии Центра (2000-2014)